

Чжан Сяо, приняв ингибитор, вытер кровь из носа, но всё ещё пребывал в полном недоумении.

Он совершенно не понимал, что значит «запустить прибор Чэня». Всё, что он делал, — это упорядочивал иероглифы в защитном поле.

Гао Цюн, заметив его растерянность, предположил, что этот проводник, которого Ин Чанхэ так стремился заполучить, действительно был слишком наивен. В итоге он потерял интерес к дальнейшему обсуждению.

После возвращения их обязательно отчитают за это, и сейчас не стоило зря тратить нервы.

— Человек, которого я ищу, находится в переулке Цзисян, — сказал Гао Цюн. — Ты должен следовать за мной и не отходить.

Чжан Сяо подумал, что даже если бы его прогнали, он бы не ушёл, и потому встал вплотную к Гао Цюню.

— ...Слишком близко, — произнёс Гао Цюн.

Чжан Сяо отступил на два шага, на лице его играла улыбка.

Если бы тогда Гао Цюн не схватил прибор Чэня, то в 1918 году оказался бы только Чжан Сяо. С другой стороны, Гао Цюн спас ему жизнь: если бы Чжан Сяо оказался здесь один, он либо медленно состарился бы, следуя естественному ходу времени, либо погиб бы в последующих войнах.

Чжан Сяо следовал за Гао Цюном, с любопытством разглядывая пейзажи переулка.

В переулке стояли дома с внутренними дворами, фасады которых различались по размеру. Крупные, судя по всему, принадлежали богачам: у ворот лежали каменные львы, а из-за стен виднелись изогнутые ветки акаций, на которых запутался оборвавшийся воздушный змей. Мелкие же дома отличались своей индивидуальностью: красные и чёрные ворота, свежие новогодние парные надписи, а также изображения божеств, охраняющих вход, которые, как и каменные львы, казались бдительными. Иногда на ветру покачивались оставшиеся красные фонари, их яркий цвет, вымытый дождём, казался ослепительным.

Единственной странностью было то, что в переулке не было ни души, и тишина была слишком гнетущей.

— Переулок сейчас очищают, — сказал Гао Цюн. — Некоторые умерли от чахотки, а здоровые уехали.

Чжан Сяо понял его намёк:

— Человек, которого ты ищешь, здесь? Он болен?

— Цель миссии — рукопись Оу Цина, «Записки переулка Цзисян». В ней записано местонахождение многих культурных ценностей. У нас есть только первая половина первого тома, а оставшуюся часть мы искали долго, но так и не нашли. Первая половина первого тома была закончена Оу Цином незадолго до смерти. В ней описана его жизнь и важные события, которые с ним произошли. Дата написания — сегодня, четвёртый день второго месяца по лунному календарю. Изучив записи переулка Цзисян, мы обнаружили, что среди тел, вывезенных из переулка на следующий день, был Оу Цин.

— Он... умер сегодня? — Чжан Сяо остановился.

Только сейчас он ощутил странную реальность происходящего. Он вернулся в прошлое, в эпоху, когда все события уже были зафиксированы в исторических записях. Но то, что не было записано, — это жизни и смерти людей, и это единственное, что оставалось неизвестным для людей будущего.

— Пойдём, — поторопил его Гао Цюн. — Перед смертью он добавил что-то в рукопись. Мы можем успеть посмотреть, где он её спрятал.

— Кто такой Оу Цин? — спросил Чжан Сяо.

Оу Цин был торговцем культурными ценностями, точнее, скупщиком краденого.

Переулок Цзисян находился на Восточном проспекте Дианьмэнь. В старину здесь жили евнухи из императорского дворца. Некоторые были богатыми, другие — настолько бедными, что не могли выкупить даже свои собственные сокровища. Но большинство провели всю жизнь в суеде Запретного города, а в конце, став жертвами несправедливых обвинений, были завернуты в циновки и выброшены на свалку.

Оу Цин не был евнухом. Он был сыном евнуха.

Его приёмный отец был одним из дворцовых евнухов. После Учанского восстания в дворце царила паника, и обстановка становилась всё более нестабильной. Оу Цин жил с приёмным отцом в переулке Цзисян и время от времени видел, как тот тайно выносил из дворца ценные вещи и просил его спрятать.

Сначала это были мелкие предметы, которые прятали в зимней одежде или в коробках для еды, и их удавалось вынести без проблем. Но позже, когда ситуация ухудшилась, вещи становились всё крупнее: фарфоровые вазы, статуэтки, нефритовые кролики и львы — всё это безрассудно вывозили из дворца. Хотя Оу Цин в своей рукописи не упомянул имени своего приёмного отца, видимо, испытывая к нему отвращение, он действительно жил в достатке благодаря продаже этих сокровищ, вывезенных из дворца.

После падения династии Цин его приёмный отец умер от болезни, и, разбирая его вещи, Оу Цин обнаружил в доме подвал. Вскрыв его, он нашёл там несметные сокровища.

Среди них были хрустальные вазы, нефритовые статуэтки, а также множество мелких предметов — от женских украшений до серебряных ложек, которыми пользовались дворцовые чиновники. Хотя Оу Цин много лет помогал отцу в торговле краденым, он был потрясён, увидев такое количество сокровищ. Он сразу понял, что это, вероятно, вещи, которые его отец тайно вывез, чтобы использовать их в старости. Они были изгоями, но оказались более проникательными, чем князья и наложницы дворца, почувствовав, что дерево Цинской династии вот-вот рухнет.

Раз оно не могло больше защищать их, они решили сорвать с него ещё немного коры перед уходом.

Оу Цин тщательно переписал все эти сокровища, и это стало важнейшей частью его «Записок переулка Цзисян».

Будучи торговцем, Оу Цин, разумеется, не мог не продать эти вещи.

— Что было продано, когда и за сколько, кто купил — всё это Оу Цин записал в своей рукописи, — Гао Цюн повёл его дальше по переулку. — Эту рукопись он оставил на чёрный день. Ему нужны были деньги, но он хотел и безопасности.

Гао Цюн говорил больше, чем когда-либо. Чжан Сяо слушал внимательно.

Закончив рассказ о переулке Цзисян, Гао Цюн взглянул на Чжан Сяо и, возможно, благодаря внимательному и искреннему слушателю, продолжил.

— В эпоху Республики не было законов, регулирующих культурные ценности, и не было правил, ограничивающих их утечку. Как раз в то время в Китай приехало множество иностранных торговцев, и количество вывезенных культурных ценностей было неисчислимым, — Гао Цюн слегка нахмурился, словно вспоминая что-то. — От огромных статуй Будды до мелких жемчужин — всё, что называлось таинственными дарами древнего Востока, находило большой спрос за границей. Многие иностранцы не разбирались в культурных ценностях и не знали китайского языка, поэтому им приходилось полагаться на местных торговцев.

— Оу Цин и другие помогали продавать наши культурные ценности за границу?

— Не только. Они продавали не только существующие ценности, но и несуществующие. Например, если иностранец видел, что его друг купил двойной кувшин, он тоже хотел такой и предлагал пятьсот тысяч серебряных долларов. Но в мире был только один такой кувшин. Как же его продать? Они подделывали их.

Чжан Сяо слушал, затаив дыхание, и кивал.

— Была и другая ситуация: если существовало несколько одинаковых предметов, они оставляли один, а остальные уничтожали.

— Редкость повышает ценность, — быстро добавил Чжан Сяо.

Ему показалось, что Гао Цюн улыбнулся. Но это было настолько мимолётно, что он не успел уловить и потом не решился утверждать.

Гао Цюну, должно быть, очень нравилась эта работа. Чжан Сяо подумал, что он сказал так много, причём именно ему.

— Но Оу Цин отличался от таких торговцев — он не работал с иностранцами, — Гао Цюн продолжил идти вперёд. — Не знаю, было ли это связано с его приёмным отцом или с тем, что он вырос у стен Запретного города и видел, как иностранцы стреляли из пушек. Так или иначе, он испытывал к ним враждебность. В своей рукописи Оу Цин много ругал иностранцев, называя их вонючими, говорящими на непонятном языке и любящими притворяться знатоками. Больше всего он ненавидел, как они разгуливали по улицам Пекина.

Чжан Сяо нашёл Оу Цина довольно забавным:

— Он же сам занимался скупкой краденого, не так ли?

— Хотя оба занимались этим, те, кто продавал богачам или военачальникам, считали себя выше тех, кто продавал иностранцам, — Гао Цюн остановился у ворот одного из домов с внутренним двором. — Мы пришли.

Это был конец Восточного переулка Цзисян. Дом перед ними был немаленьким, но почему-то у

ворот остался только один каменный лев. Оставшийся лев всё ещё выглядел свирепо, но потерял былую мощь и теперь казался скорее забавным.

<http://bllate.org/book/16847/1550063>